

МИНЕЯ И ПАЛИМПСЕСТ:
“ЦЕРКОВНОЕ” И “ПЕРСОНАЛЬНОЕ” ВРЕМЯ В СТИХАХ ВЯЧ. ИВАНОВА

Сергей Овсянников

“Вот жизни длинная *минея*, / Воспоминаний *палимпсест*”, так начинается Вступление к поэме *Младенчество* (I, 230).

Минея – есть богослужебный сборник, который содержит праздничные службы неподвижного календарного круга, то есть службы с 1 сентября по 31 августа. (Подвижный круг обеспечивается Триодью). Если приложить именно такое определение минеи к данным строчкам Вяч. Иванова, то напрашивается вывод, что здесь говорится о длинной череде дней мерно текущей жизни: от церковного новолетия, которое падало на первое сентября, по конец августа, и так год за годом.

Однако, хотя такой вывод и мог бы подтверждаться литургической практикой, но явно противоречит поэтическому тексту поэмы. Рассмотрим подробнее аргументы ‘за’ такое истолкование минеи и ‘против’.

Прежде всего нам нужно ответить на вопрос: о какой именно минее здесь идет речь?¹ Может быть это Четии-Минеи? Наиболее известным представителем такого вида миней являются Четии-Минеи Димитрия Ростовского. Но этот сборник жизнеописаний (“житий”), различных святых столь велик по объему, что на практике всегда требует употребления множественного числа – миней, поскольку состоит по крайней мере из двенадцати томов. И едва ли Вяч. Иванов представлял свою жизнь как жизнь святого. Поэма *Младенчество* никак не напоминает агиографическое произведение, а потому этот вариант едва ли возможно принять.

¹ Ср. *Шатин Ю.В.* Минея и палимпсест // *Ars interpretandi*: Сб. ст. к 75-летию проф. Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. С. 222-225; *Аверин Б.В.* Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С. 147-175; *Титаренко С.Д.* Поэма Вячеслава Иванова “Младенчество”: символический язык автобиографического мифа // Вяч. Иванов Pro et Contra. Личность и творчество Вяч. Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. Сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин. СПб., 2016.

Помимо четких миней существуют ещё служебные минеи, которые содержат набор богослужебных текстов неподвижного календарного круга. Праздничная минея – включает службы больших праздников. Минея помесечная – соответствующая каждому месяцу, куда включены не только большие, но и малые праздники. Каждый такой праздник имеет определенный *ранг* от малого (будничная служба и “шестеричная”) до великого (службы с бдением и великих праздников, например, Рождества Христова). Минея общая – содержит типичные службы различным святым, для которых не написано отдельной службы. В таком случае используется своего рода трафарет – служба из общей минеи.

Само слово ‘миней’ означает ‘месяц’, поскольку службы в каждом томе охватывают один месяц, что не исключает варианта, когда большой по объёму том приходится разбивать ещё на отдельные части – на две или на три в современной практике. Миней содержат изменяемые части служб – тропари, стихиры, каноны. Если в современной минее такие службы находятся почти на каждый день, то в древних минеях месяц вовсе не должен был быть непременно полным – количество служб месяца сильно варьировалось. То есть, значимость дня определялась значительностью службы этого дня, или служба могла отсутствовать вовсе. Такой ‘пустой’ день не имел значимости и проходил мимо праздничных воспоминаний.

Главная особенность текстов миней такова, что за исключением чтений из Писания (паремий) все они были предназначены для пения – это стихотворные гимны, которые имели свой напев (глас), или же их пели на глас сопутствующей богослужебной книги – Октоиха, восьмигласника.

Таким образом, ‘длинная миней’ жизни – скорее всего месячная миней, содержащая службы наиболее памятным дням. Важно, что жизнь, отображенная в такой минее – есть не просто информативный рассказ о ней, пусть и написанный поэтическим языком, но сама жизнь здесь поётся, то есть это ‘поэтическое жизнеописание’ и есть гимн, согласно природе жанра службы по минее.

Сам Вяч. Иванов относился к гимнам особо, приравнивая их к таинству служения Богу (или богам):²

² О гимническом начале поэзии Иванова ср. в цикле работ Д.Н. Мицкевича: 1) Принцип восхождения в сонете Appolini Вяч. Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. XXI. 1. С. 256, 258; 2) “Реалиоризм” Вяч. Иванова // *Христианство и русская литература*. Сб. 6. СПб., 2010. С. 259 прим. 10 (http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/05/mitskevich_realiorizm_vyach_ivanova_2010_text.pdf).

Не верь, поэт, что гимнам учит книга:
 Их боги ткут из золота полудней.
 Мы – нива; время – жрец; потомство – рига.
 Потомкам – *цеп трудолюбивых будней*.
 (*Sonetto di Risposta* – II, 336)

Здесь важна переключка с другим поэтом – Николаем Гумилёвым, откуда и взят эпиграф к этому стихотворению. Ему – единове́рцу (“В поэте мы найдем единове́рца” – 12-я строка сонета) Вяч. Иванов на те же рифмы пишет *Risposta* – ответ – на сонет, который направил ему Гумилев.

Этот сонет – *Судный день*, посвящённый В. И. Иванову – тоже важен для нас для понимания концепта будней, вот строки из него:

Раскроется серебряная книга,
 Пылающая магией полудней,
 И станет храмом брошенная рига,
 Где, нищий, я дремал во мраке будней...³

Будни для Гумилева – мрак, момент сна. Но душа пробуждается от сна для праздника, когда *рига* – место или сарай для обмолота снопов, где взлетает и опускается молящий *цеп* – становится храмом. В храме же место богам и гимнам, а не “трудолюбивым будням”, которые тянутся чередой и таким цепом молотят жизнь, выбивая зерно. Так раскрывает Вяч. Иванов строки Гумилева.

“Цеп трудолюбивых будней” – есть противоположность гимнам Миней. (Что, собственно, подтверждается и этимологически: ‘будни’ от глагола ‘будить’, то есть рано подниматься на ежедневный труд, а праздник позволяет быть праздным, свободным от обыденного труда.) Очевидно, что такие будни мало занимают и самого поэта. Другое дело дни Миней, все они – праздники, пусть и разного масштаба и ранга. Праздник – торжество воспоминаний, день, когда поются гимны.

Дни, удостоенные воспоминаний в поэме, подобны праздничным дням миней, и при этом воспоминания, как и праздники, обладают определенным рангом.

Приведу сначала общие соображения о событиях, описанных в поэме. Главная тема, что пора младенчества – это дни, проведённые в раю, в саду Эдем. Кажется, что дополнительные строфы (XLVI-XLVIII), написанные через пять лет после основного текста поэмы, только и возникли, чтобы подчеркнуть прощание с младенчеством: “пора младенчества,

³ Гумилев Н.С. Полн. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 1. М. 1998. С. 221.

прости!” (XLVI-я строфа). События этой строфы легко датируются: мать (гадая по Псалтири) встречает то новолетие, когда умирает отец, то есть Вяч. Иванову в этот год исполняется пять лет.

Сходятся воедино конец жизни отца и особое начало жизни поэта – ему поручено отныне нести “как будто потаенный свет” (XLVI-я строфа). Видимо не случайно эти, подводящие итог поэме строфы написаны в день праздника Успения Божией Матери 28/15 августа 1918 года. Заметим, что Успение – последний из великих праздников неподвижного круга минеи, хороший день (праздничный!) для подведения итогов *Младенчества*, ведь Успение – конец жизни земной и начало жизни небесной. (На иконах Успения зачастую изображают двойной образ Богородицы: одна фигура лежит еще на смертном одре, а вторая, уже – новорожденный младенец в пеленках – на руках у Христа во славе.)

Примечательно, что бóльшая часть *Младенчества* посвящена не событиям жизни Вяч. Иванова, а его отцу и матери. Он и не пытается сказать, что описанные события – его личная память. Это их общая память, особенно же память матери, которую трудно отделить от воспоминаний самого Вяч. Иванова. Он подчеркивает, что едва ли это его повесть:

Быть может, мать не умолчала... (строфа XXIII).

Рассказывая о событиях младенчества, или же то были блуждания грез, как выход из реальности будней:

Мечты ли сонные смешались
С воспоминаньем первых дней? (строфа XX)

Перед Вяч. Иванов не стоит задача четко отделить одно от другого, ему важно сказать о призванности поэта. Итак, теперь попробуем определить ранги праздников-воспоминаний.

Первый ранг, великие праздники.

1. Первое гадание по Псалтири, безусловно “суеверный рассказ” матери. Праздник же в том, что родилась уже надежда, что младенец получит благословение “на некое святое дело... Творцу всей жизнью послужить”, и быть новым псалмопевцем (строфа II-III).

2. “Посетитель”, который дал напутствие “на подвиг темный” (строфа XXXVI-XXXVII). Служение поэта близко к служению пророка, но не совпадает с ним без остатка, ведь в поэте говорит стихия языка, а она может быть темной, языческой. Это и вызывает грусть:

В меня вперя взгляд упорный
О чем пророчески грустил?
Что дальним дням благовестил?

Напутствовал на подвиг темный
Ты волю темную мою?

Об этом Вяч. Иванов еще скажет в последних, дополнительных строфах поэмы, но здесь более важно рождение поэта в мир (то есть, не физическое рождение):

Как плач родившегося в мир,
Был крик земной (строфа XXXVIII)

3. Явление отца-призрака матери – строфы XL-XLI.

4. “Позвавший” Христос – явление святого Николая умирающему отцу:

А мирликийский чудотворец, –
Весь в бисере, в шелках цветных, –
Над ним склонился, друг больных.

Икона, которую бисером вышивала мать, становится воплощением пришедшего святого (строфы XLI-XLIII).

О других праздниках воспоминаний, более низшего ранга, коротко скажу после разбора термина “палимпсест”.

‘Палимпсест’ – есть нечто многослойное. Изначально этот термин означал манускрипт, который содержал два или несколько слоев записи. Б.В. Аверин точно описал причины появления палимпсестов в древние времена.⁴ Однако, в последнее время термин стал таким модным словом, что применяется ко многим случаям наложения смысла или знаков один на другой. Так, например, исследователи находят возможным говорить о явлениях палимпсеста в архитектуре (использование элементов разрушенных памятников при создании новых). Широко обсуждается палимпсест в литературоведении как принцип создания нового произведения на основе древних памятников. Существует даже алкогольный палимпсест – наложение поздних воспоминаний на слой, который подавлен и ушел в забвение.

Для Вяч. Иванов палимпсест – в первую очередь двухслойный или многослойный манускрипт. Такое понимание обусловлено, конечно, его интересами исследователя древних рукописей. То есть, палимпсест несет два или больше слоев информации – не только то, что некто видит в первую очередь, в верхнем слое текста, но и то, что скрывается под этим слоем. В таком случае задача исследователя прочесть все слои рукописи, поскольку каждый слой открывает нечто важное.

⁴ Аверин Б.В. Дар Мнемозины. СПб., 2003. С. 149-150.

Посмотрим, что скрывает и открывает ‘палимпсест’ автора – Вяч. Иванова. Само слово встречается в указателе словоформ к брюссельскому собранию сочинений Вяч. Иванова трижды.⁵ И всякий раз, вместе с прямым значением этого слова в тексте, появляется дополнительное значение, своего рода обертон – тон, приподнятый над звучанием основного смысла. ‘Палимпсест’ у Вяч. Иванов своего рода сигнальное слово (образ), указывающий, что рядом стоит нечто существенное, но сущность этого слоя может быть скрыта.

Первый случай употребления слова ‘палимпсест’ встречаем в очерке *Ницше и Дионис* (опубликован в 1904). У Вяч. Иванов сложилось сложное отношение к Ницше,⁶ который, с одной стороны, помог ему в 1895 году выбрать в жизни любовь к Лидии Зиновьевой-Аннибал, тем самым, “обрести Бога”.⁷ С другой стороны, Ницше как ученый и как теоретик дионисизма вызывал у Иванова недоверие, чем породил настойчивые попытки его преодолеть.

По словам Вяч. Иванова, “Ницше возвратил миру Диониса: в этом было его посланничество и его пророческое безумие” (*Ницше и Дионис*, 1904 – I, 716). Чтобы исполнить свой подвиг жизни Ницше получает – согласно поэту – два дара: у него роковая двойственность, противоположность духовного зрения и духовного слуха. Так славословит Вяч. Иванов первый дар зрения:

Ницше должен был обладать острыми глазами, различающими бледные черты первоначальных письмен в испещренном поверху поздней рукой *палимпсесте* заветных преданий. (I, 717).

Проблема в том, что сам Вяч. Иванов не слишком доверяет им самим сказанному, не случайно далее он все же ставит под сомнение способность Ницше *видеть*:

Знаменательно, что в героическом божестве Трагедии Ницше почти не разглядел бога, претерпевающего страдание. (I, 720); Здесь – даже зоркость историка изменяет ему (I, 723).

⁵ URL: http://rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/word_index/toc_index.html.

⁶ На тему “Ницше и Иванов” см. *Davidson P. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide (Reference Guide to Literature)*. G. K. Hall Company. New York. 1996, по указателю (URL: http://rvb.ru/ivanov/3_bibliography/davidson/subjectindex.htm), а также статью С. Каприо в наст. изд.

⁷ Ср. автобиографическое свидетельство: “Ницшеанство помогло мне – жестоко и ответственно, но, по совести, правильно – решить ... выбор между глубокою и нежною привязанностью, в которую обратилось мое влюбленное чувство к жене, и новою, всецело захватившею меня любовью <...> Друг через друга нашли мы – каждый себя и более, чем себя: я бы сказал, мы обрели Бога” (I, 19-20).

И поэтому, провозгласив способность немецкого философа читать палимпсест, Вяч. Иванов тут же переходит к слуху Ницше, ко второму дару, который оказывается более важным. То есть, Вяч. Иванов переходит на обертон:

Его небольшие изящные уши – предмет его тщеславия – должны были быть *вещами ушами*, исполненными “шумом и звоном”, как слух пушкинского Пророка, чуткими к сокровенной музыке мировой души (здесь и выше подчеркнуто мной, С.О.) (I, 717).

Действительно, пророческие уши предполагали особое устройство, что отражалось даже в иконографии, правда не пророков, но ангелов. Так, Лесков описывает икону ангела, которая получила роковую печать: “Лик у него, как сейчас вижу, светлособожественный, [...] ушки с тороцами, в знак повсеместного отовсюду слышания”.⁸ Так и у Ницше Вяч. Иванов разглядел уши с пророческими “торцами”.

Видимо, именно недоверие к первому дару и провидческое внимание ко второму заставляет Вяч. Иванов совершить почти мгновенный переход с основного тона на обертон. В любом случае, важно, что палимпсест играет здесь скорее роль сигнального образа – указание на последующее дополнение, которое занимает даже более важное место, чем славословие первое, поскольку с дел человеческих и научных переводит тему на дела божественные, а именно, пророческие.

Следующий пример, который даёт нам Вяч. Иванов, отстоит от первого практически на тридцать лет. Однако и здесь слово ‘палимпсест’ имеет такой же обертон, как и в первом случае.

Огни я вижу, мистов хоровод,
Тебя, хоровожатый чудодейный;
Над палимпсестом эллинских словес
Тебя, толковник их славянский;

Другу гуманисту (1 января 1933 – III, 50)⁹

Эти строчки из стихотворения *Другу гуманисту*, посвященного Фаддею Францевичу Зелинскому, крупнейшему исследователю античности и знаменитому переводчику с древнегреческого. Казалось бы – всё понятно, здесь предельно четкое и прямое употребление слова “палимпсест” – действительно, славянский язык накладывается на греческий оригинал, который был не только источником перевода трагедий Софо-

⁸ Лесков Н.С. Запечатленный ангел // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 тт. Т. 4. М., 1957. С. 324.

⁹ С сожалением отметим опечатки в греческих словах этого текста в брюссельском издании.

кла (правда, на русский, а не на славянский), но и прежде всего перевода Библии и богослужебных текстов на славянской. В этих переводах греческие конструкции зачастую просматриваются сквозь не слишком удачные славянские версии (например, те же славянские минеи нередко калькируют греческие). Типично и имя “толковник”, которое Вяч. Иванов даёт Зелинскому (здесь не исключена ассоциация со знаменитыми “семьюдесятью толковниками” – переводчиками, создателями Септуагинты).

Казалось бы, верхнего слоя палимпсеста достаточно, чтобы обрисовать фигуру Зелинского. Действительно, это может быть справедливым по отношению к Зелинскому, но никак не по отношению к самому Вяч. Иванову. И он тут же вводит еще один слой рукописи – ведь речь идет о “слоях событий”, как метафора, соединяющих судьбу двух поэтов, которых соединили сами боги:

Друг, наши две судьбы не даром
Связует видимая нить:
Мой дар с твоим широкосветлым даром
Изволилось богам соединить,
Дабы в юнейшем племени заветом
Жил Диониса новый свет....
Чрез Альпы, льды сарматские с *поэтом*
Перекликается поэт.

Здесь, в этом слое, появляются “уши с торцами” поэта-пророка, позволяющие слышать судьбу; ведь кто из русских поэтов сомневался бы в пророческом векторе своего служения? Во всяком случае, для Вяч. Иванова нет сомнений в профетической призванности поэта.¹⁰

Итак, палимпсест каким-то образом связан с судьбой поэта. Поэт должен *проглядывать* и *пронизывать* слои событий, чтобы взглянуть на свою судьбу.

Так, естественным образом, мы возвращаемся к палимпсесту *Младенчества*. Здесь понятие палимпсеста служит в первую очередь образу многослойности авторства. Сочинитель поэмы, автор своей жизни, отнюдь не является автором единственным и безоговорочным. Он только перелагатель, иными словами - толковник той поэмы жизни, что пишет Поэт-Бог.

Стройна ли песнь и самобытна
Или ничем не любопытна, –

¹⁰ Davidson P. V. Ivanov's Ideal of the Artist as Prophet: From Theory to Practice // Europa Orientalis. 2002. XXI. 1. P. 157-202.

В том спросит некогда ответ
С перелагателя Поэт. (I, 230)

При этом, элемент свободы в заданных отношениях между Поэтом и переводчиком-перелагателем далеко не закреплён очевидным образом. Во всяком случае, здесь нет рабской зависимости от Первоисточника. Мысль, что жизнь автора складывалась по крайней мере из двух воле-ний, звучит в начале *Автобиографического письма*: “вот... автобиографическая запись о том, как жизнь меня слагала; о том же, что мне удалось сложить из жизни, пусть судят другие...” (I, 7). Не случайно это письмо во многом сложено из строчек *Младенчества*, что переводит “болтливую прозу” (выражение Вяч. Иванова) в ритм, где возможно умолчание, а возможно и большее – безмолвие. (Любопытно, что *Автобиографическое письмо* пишется в январе-феврале 1917 года, то есть, в промежутке между тем, как появились первые строфы поэмы в апреле-мае 1913 года, и последние заключительные три строфы – 15 августа 1918 года).

Вернемся к поэме. События ‘первого ранга’ я уже перечислил. Ко ‘второму рангу’ относятся воспоминания о жизни по соседству с Зоологическим садом (образ Эдема), неожиданный (и невероятный) образ моря, и тот особый момент, когда родители Вяч. Иванов слышат звон, а он ничего не слышит.

Здесь возможно двоякое толкование источника этого звона: он мог быть звуком колокола, но мог быть и звуком подземельным, то есть таким, какому нет места в раю. Именно поэтому звон слышат только родители, которые давно уже покинули рай, а маленький Вячеслав его не слышит – он еще в Эдеме, где таких звуков нет:

[...] Тщетно // Ловил я звучную волну.

В стихотворении *Тишина* следует намек, что этот звон перехватывает дыхание:

“Чу, – молвили оба, – звон”...
И мать, наклонясь, мне шепнула:
“Далече — звон... Не дыши!”
Тишина (II, 273)

Однако, в любом случае, из тишины рождается безмолвие – язык Творца.

Но с той поры я чтить привык
Святой безмолвия язык. (I, 241)

И в *Тишине*:

Душа к тишине прильнула,
Душа потонула в тиши...

И слышать я начал безмолвье
(Мне было три весны) – (II, 273).

Язык Творца – источник языка поэта, что, собственно, и придаёт высокую значимость воспоминанию о начале безмолвия.

Все прочие воспоминания *Младенчества* безусловно важны для Вяч. Иванова, но от нас они потребовали бы тщательного анализа и сравнения поэмы с *Автобиографическим письмом*, а это выходит далеко за рамки этого очерка.

Упомяну лишь еще раз заключительные строфы, написанные в день праздника Успения в 1918 году. Здесь вспоминаются события, когда Вячеславу было пять и шесть лет. И опять, это не столько собственные воспоминания, сколько видение матери. Я уже сказал, что здесь происходит прощание с младенчеством, и действительно, впереди, после младенчества, ожидает мальчика высокая лестница. Есть иконописный образ “Лестница в небо”, где жизненный путь человека изображен в виде лестницы, по которой должен подняться человек. Но путь сложен, поскольку справа от лестницы стоят чертенята, которые крючьями стакивают тех, кто взбирается наверх, а слева группа ангелов, которые рук не прикладывают, но молятся за тех, кто преодолевает ступени. Вяч. Иванов располагает эти силы по двум сторонам от амвона (солеи): ангелы и аггелы. Последнее, по-видимому, шутливая передача веры матери. Так было принято среди простого народа (вспомним ‘суеверие’ матери и православную кутью) различать ангела-хранителя и ангела-искусителя. На самом деле написание слов обоих ангелов было одинаковым и в греческом и в славянском языках – через двойное ГГ (диграф, что читалось как НГ), но позднее в народе появилось поверие, что так можно различать ангелов света и ангелов сатаны.

Так, возвращаемся мы к напутствию “на подвиг темный”, которое Вяч. Иванов получил от неизвестного старца – “Посетителя”, о котором я уже говорил в разделе *Миня*. Подвиг темный – есть задача различать:

И два таинственные мира
Я научаюсь различать,
Приемлю от двоих печать. (I, 254)

Таков подвиг поэта, дионисийский подвиг Вяч. Иванова.